

УДК 130.2

Религиозный ритуал и мистический опыт в социальной философии православия

Лисина Елена Александровна

Кандидат философских наук,

генеральный директор издательского дома «Аналитика Родис»,

142400, Российская Федерация, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7;

e-mail: lisina.elena.81@gmail.com

Аннотация

Цель. Цель статьи – определение места мистического опыта и ритуальных схем в социальной философии православия, на материале как соборного церковного общества, так и монашества. **Методология.** В работе использован метод социального анализа философско-богословской догматики, метод сравнительного анализа социальных явлений, а также общенаучные методы анализа и синтеза. **Результаты.** Автор приходит к выводу о том, что в православном социальном учении первоочередное место занимает мистика единения (Бога с человеком и со всеми людьми). Именно через божественное начало православный социум определяет свое единство. Это единство достигается через церковные ритуалы (таинства), первым среди которых выступает крещение, в том числе как погружение человека в соборное социальное единство. Выделение, начиная с III в. н.э. социальной группы отшельников, затем образовавших традицию монашества, показывает значение мистического начала как социальной ценности. Для достижения целей обожения монахи создали собственные практики, получившие общее название исихастских. **Выводы.** В идеальном православном социуме (то есть соборном, кафолическом единении людей как образа церкви земной) мистические ценности занимают весьма большое место, так что верхнюю часть социальной иерархии занимает монашество, которое в своих постулатах часто противоречит основным механизмам социальной жизни (безбрачие, отказ от активного экономического и другого взаимодействия).

Для цитирования в научных исследованиях

Лисина Е.А. Религиозный ритуал и мистический опыт в социальной философии православия // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 4. С. 172-177.

Ключевые слова

Православие, восточное христианство, литургия, монашество, исихазм, умная молитва, соборность.

Введение

Восточное христианство, православие, наряду с католичеством является одним из главных ответвлений христианства. Их разделение, вызванное разночтениями в ряде догматических положений, привело к тому, что каждое из направлений христианства, восточное и западное, стало формировать наряду с независимым богословием и собственную социальную философию, образ мира и общества в нем. Для православия идеальный образ общества – это собор, та самая церковь как тело Христово, которая и есть Его вечная невеста в мире сем.

Поддержание целостности соборного социального тела связано с системой ритуалов, как внутри церкви, так и вне ее. При этом система церковных ритуалов сосредоточена вокруг литургии. Со временем в социальной системе соборного общества выделилось сообщество людей, чьей целью стало глубокое и личное погружение в мистическую глубину христианского вероучения – монашество. Рассмотрим особенности ритуальности и ее мистического наполнения в жизни соборной церкви и монашества.

**Мистика в жизни и ритуалах православной церкви
как социального объединения**

Ритуалы, таинства объединяют человечество в единый соборный организм, на этом пути его ведет церковь. Как пишет прп. Максим Исповедник: «Святая церковь на первом уровне созерцания носит образ и изображение Божие, вследствие чего и обладает, по подражанию и подобию, таким же действием» [Максим Исповедник, 1993, т. 2, 157].

По замечанию С. С. Хоружего, «В православной духовности – и притом, по преимуществу, в «практических» ее разделах, в мистике и подвижничестве скорее, нежели в богословии и догматике – кроется особый и цельный взгляд на человека, на его назначение и на пути реализации этого назначения; кроется поистине целая *опытная антропология*, сложившееся учение о человеке в его непреходящем существе. В классический период становления мистико-аскетической традиции Православия (IV–VII вв.), как и в дальнейшем в периоды ее расцвета, в ней открывалось новое понимание человека, выработывался новый образ человека и новый способ, как ему обращаться с самим собою» [Хоружий, 2012, 136].

Начиная с древности, мистика понималась как содержание мистерий, то тайное знание, которое передавалось посвященным во время ритуала инициации. Греческим термином *μυστήριον* обозначалась «тайна» в Новом завете, а впоследствии именно это слово стало

обозначать «таинство». В самом названии «таинство» заключено понятие иносказания: божественное благословение входит в человека во время ритуала тайно, т.е. скрыто.

Важно отметить, что ритуально-мистическая сторона жизни православного христианина, как и этическая сторона, есть по принципу следование Христу, который, по выражению Симеона Нового Богослова, совершил «великое и страшное таинство <...>, – пострадал Христос безгрешный и через то получил прощение Адам согрешивший», сделав людей «таким образом достойными того, чтобы быть общниками Бога» [Симеон Новый Богослов, 1993, т. 1, 147].

Ритуалы таинств охватывают всю жизнь человека и общества в православии. Так, через таинство крещения происходит, в логике православного богословия, единение всего человечества в единое тело, притом преемственное во времени. Согласно мистике православия, крещение также определяет единство ангельского и человеческого мира, преемственность небесной и земной иерархии. Центральное место в мистической доктрине православия занимает литургия, а Григорий Палама еще особо выделяет евхаристию с ее таинственным пресуществлением материи, благодаря которой мы получаем «участие в присносущнем свете жизни» [Палама, 1993, ч. 3, 202].

По мере оформления канонов православного богослужения возростала проблема формализации духовной жизни соборной общины: достаточно ли исполнение религиозных обрядов обеспечивает жизнь в Боге? Еще Симеон Новый Богослов отмечал, что священнодействие и таинство есть залог веры, а не ее механическое обеспечение. Этот вопрос и попытки найти «прямой» путь к Богу сравнительно рано привели к формированию в восточной церкви института монашества, который вывел вопрос и процедуру поиска Бога на совсем новый уровень (не отрицая при этом общих догматов и важности церковных таинств).

Мистика монашества: ритуалы богопознания

Идеология раннехристианского монашества исходила из тех предпосылок, что Евангелие предполагает разные уровни погружения в христианское учение для обычного христианина и для совершенных, отдающих себя познанию Бога; эта идея кратко выражена в формуле «Кто может вместить, да вместит» (Матф. 19.12), которая, к слову, говорила о сохранении невинности, то есть об обете безбрачия. Для начинающих верующих Христос говорит притчами, ученикам же обещает, что те узрят тайны Царствия Небесного.

Так уже в III в. начало формироваться отшельничество; отшельники искали подвига духовной жизни на ином уровне, чем это могло быть в обществе. Монашество стало своего рода идеалом христианской жизни, при том что отвергало ряд основ социальной жизни (в частности, брак). Не отвергая церковных ритуалов и значимости таинств, монашество выработало собственную ритуальную «лестницу», систему действий и состояний, которые способствовали скорейшему, на земле, познанию Бога.

Выделим основные составляющие ритуального комплекса монашества.

1. *Аскетика, целомудрие и уединение*. И. Мейендорф замечает, что аскетический отказ святых иноков от мира «рассматривался как вольное мученичество» [Мейендорф, 2003, 77]. Как пишет историк церкви П. С. Казанский, «Три обета составляют сущность иноческой жизни – обет целомудрия, обет послушания, обет произвольной нищеты» [Казанский, 2000, ч. 1, 31].

2. *Постоянные пост, бдение, молитва, чтение Священного писания*. Постоянное пребывание во внутреннем бдении и обращение к Богу считалось продолжением евангельского ощущения присутствия Христа. «Все изначальное иночество явилось своего рода органичным продолжением апостольского века истории Церкви», отмечает современный историк [Сидоров, 2002, 17]. При этом в качестве средства сосредоточения использовалось в древности и используется сейчас рукоделие: «Египтяне ... не теряют из памяти псалмов и никогда не оставляют размышления о Священном писании, и таким образом соединяя с рукоделием молитвы, весь день проводят в службах», которые «добровольно совершают в течение всего дня» [Иоанн Кассиан, 1993, 22].

3. *Особые психотехники изменения сознания (умная, бессловесная молитва; священное безмолвие; дыхательные упражнения)*. Опытным путем монашествующие пришли к выработке особых методов достижения мистических состояний, близких к медитации, что вошло в практику исихазма. Как писал Иоанн Лествичник, «Память Иисусова да соединится с дыханием твоим; и тогда познаешь пользу безмолвия» [Иоанн Лествичник, 1898, 227].

Монашеский опыт, развившийся в православии до исихазма, имел перед собой достаточно дерзкую цель, которую сформулировал Палама: «Все тем, что есть Бог, будет по благодати и удостоенный человек, за исключением лишь тождественности с Богом в отношении естества» [Палама, 1993, ч. 1, 86]. Для достижения этой цели была разработана система ритуалов, которая дополняла и развивала опыт соборной церкви. Интересно отметить, что в социальном портрете православного социума как собора монашество занимало не слишком большое место по количеству, однако было вершиной социальной иерархии по качеству достижения благодати.

Заключение

Мистическая составляющая является необходимым требованием к любой живой религии, поскольку уход мистического переживания ведет к омертвлению ритуала и к концу духовной жизни. Существование православной церкви, с ее преемственностью, доказывает наличие мистического содержания в ее учении и практике, хотя она, как и любая другая, остается подвержена опасности обмирщения и сращивания с властными структурами. Единство социального организма православного общества, таким образом, также поддерживается как единство мистическое; с этой целью используется ряд ритуалов, таинств, которые объединяют людей не только с Богом, но и между собой (кафоличность, соборность). При этом особый авторитет

в социуме приобретает монашеское сообщество, формы существования которого идут вразрез с законами социального взаимодействия (безбрачие, ограничение экономического взаимодействия, исключенность из сфер социальной жизни); вместе с тем высокая мистическая функция монашества способствует его особенному статусу в православном обществе.

Библиография

1. Иоанн Лествичник. Лествица. Свято-Троицкая лавра, 1898.
2. Казанский П.С. История православного монашества на Востоке: В 2 ч. М., 2000.
3. Максим Исповедник. Собрание творений. М., 1993. В 2-х тт.
4. Мейендорф И. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2003. 576 с.
5. Палама Г. Беседы (Омилии). М.: Паломник, 1993. Ч. 1-3.
6. Сидоров А.И. У истоков культуры святости. Памятники древнецерковной, аскетической и монашеской письменности. М.: Сибирская Благовонница, Паломник, 2002. 486 с.
7. Симеон Новый Богослов. Творения: В 3 т. Сергиев Посад: С-ТСЛ, 1993.
8. Хоружий С.С. Синергичная антропология: концепция и метод // Антропологические матрицы двадцатого века. М., 2012. С. 136-166.

Religious ritual and mystical experience in the social philosophy of Orthodoxy

Elena A. Lisina

PhD in Philosophy,
executive general manager of Analitika Rodis Publishing,
142400, Rogozhskaya st., 7, Noginsk, Moscow region, Russian Federation;
e-mail: lisina.elena.81@gmail.com

Abstract

Objective. The purpose of this article is determination of the place of the mystical experience and ritual schemes in the social philosophy of Orthodoxy, on the material both of the Orthodox Church community and monasticism. **Methodology.** The author used the method of social analysis of the philosophical and theological dogma, the method of comparative analysis of social phenomena, as well as general scientific methods of analysis and synthesis. **Results.** The author comes to the conclusion that a priority in the Orthodox social doctrine is a mystery of unity (of God with man and of man with all men). It is through the divine principle Orthodox

society determines its unity. This unity is achieved through Church rituals (sacraments), the first of which is baptism, including immersion of the person in the Cathedral social cohesion. The starting from the III century allocation of social group of hermits, then formed the tradition of monasticism, shows the value of mystical beginning as a social value. The monks, trying to achieve the objectives of the deification, have created their own practices, generally referred to as the Hesychast. **Conclusion.** In an ideal Orthodox society (that is, the Catholic unity of the people as the image of the earthly Church) mystical values occupy a very large place, so that at the top of the social hierarchy is monasticism, which in its principles often contradict the basic mechanisms of social life (celibacy, renunciation of the active economic and other interactions).

For citation

Lisina E.A. (2016) Religiozni ritual i misticheskie opyt v sotsial'noi filosofii pravoslaviya [Religious ritual and mystical experience in the social philosophy of Orthodoxy]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 4, pp. 172-177.

Keywords

Orthodoxy, Eastern Christianity, Liturgy, monasticism, Hesychasm, smart prayer, unity.

References

1. Kazanskii P.S. (2000) *Istoriya pravoslavnogo monashestva na Vostoke* [History of Orthodox monasticism in the East]. In 2 vols. Moscow.
2. Khoruzhii S.S. (2012) *Sinerghiinaya antropologiya: kontsepsiya i metod* [Synergetic anthropology: concept and method]. In: *Antropologicheskie matritsy dvadtsatogo veka* [Anthropological matrix of the twentieth century]. Moscow, pp. 136-166.
3. Maximus the Confessor (1993) *Sobranie tvorenii* [A collection of works]. In 2 vols. Moscow.
4. Meiendorf I. (2003) *Istoriya Tserkvi i vostochno-khristianskaya mistika* [History of the Church and Eastern Christian Mysticism]. Moscow.
5. Palamas G. *Homilies of Saint Gregory Palamas* (Russ. ed.: Palama G. (1993) *Besedy (Omilii)*. In 3 vols. Moscow: Palomnik Publ.).
6. Saint John Climacus. *Κλίμαξ* (Russ. ed.: Ioann Lestvichnik (1898) *Lestvitsa*. Svyato-Troitskaya lavra Publ.).
7. Sidorov A.I. (2002) *U istokov kul'tury svyatosti. Pamyatniki drevnetserkovnoi, asketicheskoi i monasheskoi pis'mennosti* [The origins of the culture of holiness. The monuments of the old Church, the ascetic and monastic literature]. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa Publ., Palomnik Publ.
8. Symeon the New Theologian (1993) *Tvoreniya* [Works]. In 3 vols. Sergiev Posad.